

Я всегда хотел стать священником. Воспоминания протоиерея Богдана Сойко

Колокола Иова-Почаевской лавры, лица ставропольских семинаристов и однокашников по ЛДА, простой и вдохновенный архипастырь владыка Никодим (Ротов), церковная жизнь на закате советской эпохи и современные реалии — в воспоминаниях протоиерея Богдана Сойко, одного из самых старых и уважаемых клириков нашей митрополии.

Журнал: [№ 7-8 \(июль-август\) 2018](#) Страницы: 38-43 Автор: [Ольга Сергеева](#) Опубликовано: 27 августа 2018

Родом из детства

Родился я 25 августа 1938 года в селе Деражно Ровенской области Украины, так что в этом году мне — слава Богу! — исполняется 80 лет. Мой папа — протоиерей Игорь Сойко — перед самой войной, в 1939 году закончил православное отделение богословского факультета Варшавского университета. Его рукополагал архиепископ Волынский и Кременецкий Алексей (Громадский). Мой дедушка — Павел Сойко — тоже священник. Во время войны мы все переживали трудности. А после нее папу осудили на 10 лет тюрьмы и 5 лет ссылки. Через некоторое время его реабилитировали. Всё мое воспитание с раннего детства легло на плечи мамы, Надежды. Она из верующей семьи. Вера у нас передавалась из рода в род. Мама уделяла мне очень много внимания. Она похоронена рядом с папой на кладбище в Жукове Калужской области, где он в последние годы служил священником. Там действовал молитвенный дом, а сейчас выстроена великолепная кладбищенская

церковь. Но при всей скромности людей тогда приходило очень много. И папа, когда уже не мог служить по возрасту и по болезни, всё равно по воскресным дням и праздникам находился в храме Божиим и исповедовал. Так что для многих людей Жукова и окрестностей он стал духовником. Мое детское воспитание проходило в храме. Я никогда не сомневался в вере, и всегда испытывал огромное желание посвятить свою жизнь Богу и стать священником. Я видел, как бедно жил мой дедушка, протоиерей Павел Сойко. Приход небольшой и бедный. Всегда Церковь и священнослужители живут так, как живет народ. В детстве я постоянно играл в священника, служащего Литургию. Мама занималась по хозяйству, а я «служил». Игрушек в то время никаких не было. Изредка кто-нибудь дарил самодельные.

Лаврские воспоминания

Очень теплые воспоминания у меня остались от первого посещения Почаевской лавры. Мы с мамой прошли 50 км пешком. Я учился тогда классе в пятом. Рано утром мы вышли и к вечеру достигли Лавры. Шли, конечно, босиком. А на подходе к Лавре стоял колодец, где люди могли умыться, утолить жажду, помыть ноги после долгой дороги. И вот я тоже пристроился с людьми умыться и в этот момент услышал лаврский колокол. Это что-то бесподобное! Звучание колокола было слышно за 20–30 км. Там великолепная большая колокольня. Это всё на меня произвело огромное впечатление. Наступил праздник преподобного Иова Почаевского, 10 сентября. Мы пришли 9 сентября вечером, читали акафист, после него Всенощное бдение. Служил архиерей и много священников. Я такого количества священников никогда раньше не видел. Прекрасно пел хор. Тогда я впервые вошел в лаврский алтарь. Меня взяли, чтобы я держал одному из архиереев жезл в течение всей Литургии. Это было что-то необыкновенное, и с этим радостным чувством я возвратился домой. А потом я посещал Лавру почти каждый год. Иногда даже два раза в год, с мамой или один. В Лавре для нас главными оставались святыни. Мы прикладывались к иконе Божией Матери Почаевской, к мощам преподобного Иова. Я помню, как ползал в пещеру, где подвизался преподобный. Остались необыкновенные воспоминания и чувства. После Литургии всегда совершался крестный ход. Иногда мы оставались в Лавре еще на один день, чтобы побывать на службах, посвященных Усекновению главы Иоанна Крестителя. В Лавре находился большой образ Усекновения, который ставился посреди большого собора. И Всенощная, и Литургия оставляли благодатное и приятное чувство. И конечно, крестный ход вокруг Лавры с большим количеством народа, во время которого несли мощи преподобного Иова, а потом их воздвигали на паперти, тем самым давая благословение преподобного для всего народа. Никто тогда не думал о еде или отдыхе. Но поскольку я прислуживал, меня приглашали на общую трапезу. Был детский стол, монахи всегда с любовью обслуживали его и что-нибудь нам вкусненькое давали. В Лавре исповедовали богомольцев в различных местах, и мы каждый раз исповедовались и причащались Святых Христовых Таин.

Колокольня-маяк

После окончания школы я с мамой добровольно поехал в ссылку к отцу в Красноярский край, в Новосибирскую и Барнаульскую епархию. Шел 1955 год. Митрополит Варфоломей (Городцев) всех священнослужителей, находившихся в ссылке, старался назначить на приходы. Многие из них были с высшим богословским образованием. Владыка Варфоломей назначил моего папу в одну из сибирских деревень на берегу Енисея, называлась она Кома, Новоселовский район Красноярского края. В настоящее время от этой деревни ничего не осталось. Построили Красноярскую ГЭС, и многие селения затопило. В Кома стоял очень красивый храм, прекрасный деревянный иконостас, хорошие иконы. Храм возвышался на горке, и после затопления верхняя часть колокольни осталась над водой и превратилась впоследствии в маяк. В Сибири храмов было очень мало, как и по всей России. После Комы мой папа служил в городе Канске.

Годы учебы

Из Сибири в 1956 году я поехал поступать в Ставропольскую духовную семинарию, ректором которой был протоиерей Михаил Рудецкий, а инспектором — Дмитрий Петрович Огицкий, впоследствии ставший профессором Московской духовной академии. В семинарии трудились великолепные преподаватели, многие из них побывали в ссылке, некоторые только что вернулись из тюрьмы, были и недавние выпускники ЛДА и МДА. Когда я поступал в семинарию, правящим архиереем являлся архиепископ Антоний (Романовский), который тоже отсидел 10 лет, дождался реабилитации и получил назначение в Ставропольский край. Очень благостный архиерей, любил богослужения, проповедовал, любил учащихся семинарии и с большим вниманием к ним относился. В Ставрополе в моей жизни наступил ответственный период вступительных экзаменов. Среди абитуриентов оказалось много хорошо подготовленных выходцев из самого Ставропольского края, где почти во всех станицах были храмы, только в хрущёвский период их закрыли и разрушили. Начались семинарские, самые прекрасные, годы жизни. В семинарию поступили студенты из самых разных мест: из Сибири, Центральной России, с Украины, Молдавии, кавказских республик — Грузии, Азербайджана (из русских семей), Армении, других республик. Во время учебы в семинарии и академии я ездил на каникулы домой к родителям в Канск. А тех студентов, которые по каким-то причинам не могли поехать на каникулы к себе домой, митрополит Антоний направлял на приходы, где их радушно принимали. Такая практика существует и поныне.

Ставрополь — приятный город с теплым климатом: долгая осень, зима не такая морозная, как в Канске. В Сибири, несмотря на большие холода, существовала старинная традиция освящения воды на праздник Богоявления на улице, а не в храме. В Канске был собор, и в его ограде — фонтан, в котором на Крещение устраивали Иордань. Стояли сильные морозы, но люди молились с непокрытой головой. И народу собиралось очень много. На Рождество всегда совершалась торжественная ночная служба.

Семинарию я закончил с отличием, препятствий для поступления в академию никаких не было. Но шел 1960 год — закрывались семинарии, храмы, монастыри. Нам дали возможность сдать экзамены, но выпускного вечера у нас не устраивали.

И даже тогда никто из семинаристов не дрогнул, не отошел от Церкви. У одних это выражалось в том, что они, женившись, рукополагались и шли на приходы, порой очень отдаленные и бедные. В Академию с моего курса поступило всего три

человека. Остальные учились заочно. Так и пережили этот трудный период нашей истории. За всё — слава Богу! Сразу после окончания семинарии я поехал в Ленинград поступать в [Академию](#). Инспектор, профессор Лев Николаевич Парийский, принял у меня документы и велел срочно ехать к родителям, ждать вызова. Я был очень рад, когда получил телеграмму с приглашением в Ленинград. В Академию я приехал 9 сентября, 10-го у нас состоялся утроем молебен и Всенощное бдение вечером. 11 сентября прошла праздничная служба в память [Усекновения главы пророка Иоанна Предтечи](#), вечером все молились за Всенощным бдением в [Лавре](#). На следующий день все причащались за праздничной Литургией в честь святого князя Александра Невского. И только 13 сентября начался учебный процесс. Ректором ЛДА был тогда профессор протоиерей Михаил Сперанский. Это ученый-богослов, очень добродушный человек, великолепный духовник, проповедник, который понимал душу и сердце каждого учащегося. Профессор Парийский — строгий, любил богослужение и особенно церковное пение. Если кто-то, например, опаздывал на вечерние молитвы, то наутро являлся к инспектору просить прощения. Но в театр или кино всегда отпускали, были загородные поездки в Павловск, Пушкин, Гатчину с посещением музеев и парков. Стипендии, конечно, начислялись небольшие, но и билеты в театр и на электричку стоили недорого. Город мне очень понравился, я много ходил пешком. Если мы встречались с друзьями, то всегда гуляли по центру, в Летнем саду, ходили в Русский музей, Эрмитаж, Военно-морской музей.

4-й курс Ставропольской духовной семинарии. Весна 1960 года

Владыка Никодим

Академию закончили восемнадцать человек, из них десять человек с отличием. Шел 1964 год. В это время правящим архиереем назначили митрополита Никодима (Ротова). Он давал мне благословение на вступление в брак, определил день моего рукоположения во диакона. Это был день Святой Троицы. После рукоположения я неделю нес послушание диакона в Троицком соборе Александро-Невской лавры. Месяц я служил в [Никольском соборе](#), потом в [церкви на Серафимовском кладбище](#), в Лавре, затем в [Преображенском соборе](#). Диаконом я служил 17 лет. Владыка Никодим очень ценил хорошие голоса. Я был также назначен преподавателем библейской истории в Духовную академию. Благодарю Господа за то, что с открытым Священным Писанием проходила вся моя молодость. Митрополит Никодим часто посещал мои лекции, которые проходили 4–5 раз в неделю.

И семинария, и Академия обрели особое не только духовное, но и всестороннее попечение, когда был назначен в Ленинград [митрополит Никодим \(Ротов\)](#). Он относился очень внимательно, с любовью к слушателям семинарии и Академии. Он любил посещать лекции и в Академии, и в семинарии, особенно библейской истории и церковного устава. Он везде и всюду старался побывать. Владыка принимал активное участие в заседаниях ученого совета, в заседаниях по защите работ на соискание ученой степени. Я думаю, почти все работы он читал, или, по крайней мере, просматривал. Несмотря на свою большую занятость в качестве председателя ОВЦС, несмотря на множество поездок в различные страны, он особое внимание уделял студенчеству Академии. Владыка многократно совершал Божественную литургию и Всенощное бдение в академическом храме. Особенно торжественно проходили службы в престольный праздник святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Всегда праздничные богослужения возглавлял владыка Никодим и приглашал архиереев из других епархий, которых на тот момент было не так много. В общении владыка казался необыкновенно простым человеком, доступным. Конечно, его внезапная кончина стала потрясением для всех.

Я неоднократно принимал участие в паломничествах, которые совершал владыка Никодим, — на Святую Землю, на Кипр и в другие страны, даже в Японию. Он брал меня в эти поездки как протодиакона. Я очень благодарен владыке за его внимание ко мне. Мы всегда чувствовали его любовь и заботу. Он стремился к тому, чтобы каждый человек, несущий церковное послушание, был устроен. Приснопамятный владыка помогал священнослужителям устроиться на приходы.

Наместник, благочинный, настоятель

В священники меня рукоположил 27 сентября 1981 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, митрополит Антоний (Мельников). Сначала я служил в том же Преображенском соборе, где многие годы был диаконом. После меня назначили наместником. Фактически же я являлся настоятелем Троицкого собора Александро-Невской лавры. Владыка Никодим очень любил монашество, желал возродить Лавру. Но на тот период времени это было невозможно осуществить, поэтому он определил, что в соборе будут не настоятели храма, а наместники. Первым стал отец Евгений Амбарцумов, многодетный батюшка. После назначения меня поставили благочинным Финляндских приходов. В Хельсинки существуют два старостильных прихода — Никольский и Покровский, не относящиеся к Финской Автономной Православной Церкви, которая живет по

новому стилю. В то время осталось не так много русских православных прихожан, которые после войны оказались на территории Финляндии. Я совершал богослужения, требы, причащал престарелых прихожан на дому. В общинах мы устраивали вечера на Масленицу и в престольные праздники — Покров Божией Матери и святителя Христова и чудотворца Николая. Я благодарен своим прихожанам в Хельсинки и молюсь о них, как и прежде, поминаю многих, кто ушел в жизнь вечную. Почти все уже упокоились — и настоятели, и священники, и диаконы, и хористы. Хор был небольшой, 3–5 человек, но, тем не менее, они старались петь слаженно. Надо сказать, что прихожане и Никольского, и Покровского храмов посещали богослужения и в Успенском кафедральном соборе Хельсинки, и в Троицкой церкви. Праздники Рождества и Пасхи они праздновали дважды — по новому и по старому стилю, поскольку у них были друзья и знакомые лютеране или православные из Финской Церкви. Так что христианская жизнь проходила в таких тесных контактах. В Финляндии я прослужил больше десяти лет.

25 августа 1987 года, в мой день рождения, меня назначили настоятелем Николо-Богоявленского морского кафедрального собора. Хозяйственная жизнь здесь находилась в руках старост. Сделать что-либо по хозяйству невозможно. Богослужения совершались регулярно, также как и сейчас: ранняя Литургия, поздняя Литургия, вечернее богослужение. Всё же сразу после своего назначения я попытался организовать курсы по Закону Божию. Я понимал, что народ приходит в храм Божий, умея только креститься. Не все знали «Отче наш», «Символ веры», многие не имели понятия об утренних и вечерних молитвах. Знали, как положить земной поклон, куда подойти на Исповедь, а основ христианской веры не знали. Я почувствовал, что необходимо проводить беседы. Многие люди просили об этом. И в 1987 году в верхнем храме по субботам в 17 часов вечера я проводил эти беседы. Сначала приходило 50–100 человек, потом собиралось более 500.

В библиотеке архиепископа Карельского и Финляндского Павла в Куопио. Слева направо: [протоиерею Геннадий Барто](#) и [Виктор Лютик](#), владыка Павел, епископ Йозенсууйский Тихон (Тайякка) и протоиерей Богдан Сойко. 1984 год.

Тогда и сейчас

За долгие годы моего служения у престола Божия поменялся контингент молящихся. Раньше в Петербурге посещали храмы в основном люди пожилые, многие из них пережили блокаду. В нашем соборе мы поминаем каждый день за ранней, поздней Литургией и на панихидах на ектении всех погибших в те годы. Сейчас, конечно, остались воспоминания, но в них невозможно передать весь трагизм того времени. Действительность была более жесткой и страшной. Если вспоминать 1988 год, когда праздновалось тысячелетие Крещения Руси, то никто ничего особенного не ожидал от этого года. Все знали, что нужны серьезные решения, для того чтобы стало легче в религиозной жизни людей и в религиозном воспитании народа, но это произошло только в 1990-е годы. Были иностранные делегации, которые посещали Петербург, и когда молились в Лавре представители всех Православных Церквей, это вселяло надежду на перемены. Признаком того, что наступает период свободы, стало открытие храмов. В Петербурге открыли [храм святой великомученицы Екатерины в Мурино](#). Сейчас другие трудности, которые заключаются в преподавании в школах курса «Основ православной культуры». Учителя стремятся преподавать «Основы светской этики», но этот предмет не всегда включает в себя знания о Боге и Церкви. Среди восьми школ, которые находятся в ведении Никольского собора, только в одной школе удалось добиться преподавания «Основ православной культуры». Дети с большим вниманием слушают уроки преподавателя. Успехи видны. Но, в основном, всё остается по-старому. Дети растут без Бога. Если семья верующая, ходит в храм Божий, то и дети растут верующими. Мы видим это по нашей воскресной школе, в которой учатся 80–90 человек. Большинство детей приходят из верующих семей. Мы стараемся организовать и провести на хорошем уровне праздники Рождества Христова и Пасхи. В воскресной школе изучается история Церкви, Закон Божий, церковное пение, славянский язык. Каждый месяц дети совершают Божественную литургию: при совершении Литургии дети прислуживают в алтаре, читают Часы, Апостол и, конечно, полностью поют песнопения Божественной литургии. Сейчас существуют определенные требования: если человек пришел крестить ребенка, он должен пройти курс катехизации. У нас такие лекции проводятся по субботам. Те, кто получил знания по этому курсу, получают специальные дипломы, и эти дипломы являются свидетельством того, что они могут быть крестными отцами или крестными матерями во время совершения Таинства Крещения. Все наши священники имеют высшее богословское образование, поэтому каждый священник принимает участие в этих лекциях. Эти же курсы помогают людям при вступлении в церковный брак. Церковная жизнь преисполнена свободы, но хотелось бы, чтобы желания посещать храм у людей было больше. Городская атмосфера требует определенного отдыха. На выходные дни горожане устремляются на дачи за город. Это всё нужно, но никогда не надо забывать о храме и о Боге.